

УДК 902 (1-924.15)

ПРИЛАДОЖСКАЯ КАРЕЛИЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ ФИНЛЯНДИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

С. И. КОЧКУРКИНА

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Этнокультурная история карел, вепсов, саамов и русских, издревле проживающих на территории Карелии и в приграничье с Финляндией в тесном контакте друг с другом, имеет длительную историю создания фактического археологического материала и данных смежных дисциплин. В течение более чем века археологи России и Финляндии накопили большую археологическую информацию в виде коллекций предметов, каталогов, полевых отчетов. Большое место в исследованиях финляндских ученых занимали вопросы истории древней Карелии: происхождение и формирование карельского народа, территория его расселения, анализ содержания Ореховецкого мирного договора и т. д. В последние десятилетия Ю.-П. Таавитсайнен и П. Уйно изложили свои взгляды на средневековую археологию Карелии. В монографии П. Пурхонен проанализированы вопросы появления христианства в Финляндии, в том числе и православия.

По средневековой археологии и истории Карелии и Карельского перешейка С. И. Кочкуркиной полевые исследования ведутся с 70-х годов XX в. Изучены укрепленные поселения (городища) XII–XV вв. Археологические источники в комплексе с данными естественнонаучных дисциплин (металлографический, спектральный, остеологический, спорово-пыльцевой анализы) позволили охарактеризовать планировочную структуру поселений, дома с печами-каменками и хозяйственные постройки, ремесла, сельское хозяйство и домашние промыслы, охоту и рыболовство, военное снаряжение, а также воссоздать костюмы древних карел.

Однако по ряду важных вопросов древней истории между исследователями обеих стран в силу ряда объективных причин и сложившихся традиций существуют различные точки зрения относительно хронологии и периодизации археологических древностей; методики археологических исследований; границ древнекарельской территории; путей христианизации восточной Финляндии и т. д. Поэтому создание научного исследования, целью которого является реконструкция историко-культурных связей Финляндии и Карелии в исторических рамках эпохи Средневековья на археологических материалах с привлечением данных смежных дисциплин, представляется перспективной и актуальной научной задачей.

S. I. KOCHKURKINA. LADOGA KARELIA AND BORDER AREAS OF FINLAND IN THE MIDDLE AGES (THE HISTOTIOCULTURAL ASPECT)

Factual archaeological material and data from adjacent disciplines have been generated through the extensive ethnocultural history of Karelians, Vepsians, Sámi and Russians who have lived in Karelia and along the border with Finland maintaining close contacts with each other. Over more than a century, archaeologists from Russia and Finland have gathered vast archaeological information in the form of artifact collections, catalogues, field reports. Finnish researchers have given much of their attention to the history of ancient Karelia: the origins and establishment of the Karelian nation, the range of its dispersal, analysis of the Peace of Orekhovets (Noteborg) contents, etc. In the past several decades, J.-P. Taavitsainen & P. Uino published their ideas of the Medieval archaeology of Karelia. A monograph by P. Purhonen analyses problems related to the emergence of Christianity, including Orthodoxy, in Finland.

S. Kochkurkina has been doing field studies on the Medieval archaeology and history of Karelia and the Karelian isthmus since the 1970s. Fortified settlements (gorodishche) of the 12th-15th centuries have been inspected. Using archaeological sources in combination with natural science data (metallographic, spectral, osteological, pollen analyses)

the build-up structure of settlements, houses with stone stoves and utility buildings, crafts, farming practices, picking & gathering, hunting & fishing, ammunition have been characterized, and old Karelian national costumes have been reconstrued.

Due to some objective reasons and traditions, researchers from the two countries differ on a number of substantial problems of ancient history such as the chronology and periodization of archaeological antiquities; methods of archaeological research; boundaries of the ancient Karelian territory; pathways of Christianization of eastern Finland, etc. Organization of a scientific study aiming to remodel historical and cultural links and contacts between Finland and Karelia within the historical limits of the Middle Ages relying on archaeological material and data from adjacent disciplines is therefore a promising and topical scientific project.

Ключевые слова: археологические памятники приграничных территорий Финляндии и Карелии, сравнительный анализ, картографирование, топонимика, историко-культурные связи.

Новизна реализуемого проекта «Карелия и Финляндия в эпоху Средневековья (историко-культурные связи)» заключается в том, что впервые рассмотренные в нем вопросы в качестве научной задачи прежде не ставились. В исследованиях финляндских и российских коллег историко-культурные взаимоотношения двух стран изучались на базе археологического материала фрагментарно, лишь в самых общих чертах при анализе отдельных категорий предметов, встреченных на обеих территориях. Конкретная задача в предлагаемом проекте отводится исследованию четырех важных и до сих пор малоизученных блоков вопросов: Карелия эпохи Средневековья в финляндской историографии; Средневековые памятники восточной Финляндии; Средневековые памятники Финляндии и Карелии: общее и частное; Пути христианизации Карелии и восточной Финляндии: традиции и особенности. В этой статье я сочла необходимым остановиться на некоторых спорных вопросах, которые еще только предстоит решить на современном, более высоком как практическом, так и теоретическом уровне с учетом всей суммы достижений, сделанных по обе стороны границы.

Историко-культурные взаимоотношения Карелии (северо-западное Приладожье и Карельский перешеек) и Финляндии возникли в глубокой древности. Уже в памятниках каменного века прослежены некоторые явления, свидетельствующие об общности материальной культуры древнего населения обеих территорий. На протяжении многих веков форма и сущность этих связей изменялись, но не прекращались. Особенно это касается восточных территорий Финляндии, население которой ориентировалось на социально-экономические и торгово-культурные контакты с восточными соседями.

Многовековая этнокультурная история карел, вепсов, саамов и русских, издревле проживающих на территории Карелии и в пригра-

нице с Финляндией в тесном контакте друг с другом, находит отражение в огромном фактическом археологическом материале и данных смежных дисциплин. По средневековой археологии и истории Карелии и Карельского перешейка мною полевые исследования ведутся с 70-х годов XX в. Изучены укрепленные поселения (городища) XII–XV вв., получен богатейший материал, позволяющий охарактеризовать планировочную структуру поселений, дома с печами-каменками и хозяйственные постройки, ремесла, сельское хозяйство и домашние промыслы, охоту и рыболовство, военное снаряжение, а также воссоздать костюмы древних карел.

В 1985 г. защищена докторская диссертация, изданы монографии (Кочкуркина, 1981, 1982). В них на основе анализа и синтеза археологических материалов, сведений гуманитарных наук, западноевропейских письменных источников, древнерусских летописей и документов, в том числе и берестяных грамот, удалось осветить ряд существенных вопросов истории древних карел (происхождение и генезис культуры, этническая территория летописной корелы и т. д.) и реконструировать историко-культурную и этническую ситуацию в северо-западном Приладожье в XII–XV вв. Древние карелы представляли реальную силу как во внутренней жизни, так и во внешней политике Новгородского государства, в международной торговле. Но при всех влияниях и заимствованиях они сохранили этнокультурное своеобразие.

Собранная археологами России и Финляндии в течение более чем века огромная археологическая информация в виде коллекций предметов, каталогов, полевых отчетов, которые находятся в хранилищах и архивах многочисленных музеев и учреждений, часто труднодоступна для исследователей, поскольку полевая археологическая документация и большая часть публикаций написаны на национальных

языках и только меньшая из них – на английском. Этот этап завершен созданием археологических баз данных как финляндскими исследователями, так и археологами Республики Карелия.

Создавая свой электронный Каталог «Археологические памятники Карелии» (здесь понимается Карелия в современных административных рамках), мы учли достоинства археологической базы данных, сделанной на кафедре археологии университета г. Хельсинки под руководством К. Карпелана. Наш Каталог объединил более 2500 памятников от мезолита до эпохи Средневековья включительно, выявленных на территории Карелии, а также сведения об археологических материалах, полученных в Карелии во второй половине XIX – XX вв. как российскими, так и финляндскими любителями, коллекционерами, учеными широкого профиля. Некоторые материалы утрачены, другие сохранились в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Хельсинки.

Изучение актуальных проблем средневековой истории финно-угорских народов Северо-Западной Европы ведется давно. В Финляндии о древней истории и о средневековой археологии написаны многотомные труды (Kivikoski, 1961 и др.). Большое место в трудах финляндских ученых занимали вопросы истории древней Карелии: происхождение и формирование карельского народа, территория его расселения, анализ содержания Ореховецкого мирного договора и т. д. Взгляды российских исследователей далеко не всегда совпадали и совпадают с точкой зрения финляндских коллег.

В последние десятилетия финляндские исследователи (Taavitsainen, 1990; Uino, 1997) изложили свои взгляды на средневековую археологию Карелии. В монографии П. Пурхонен (Purhonen, 1998) анализируются вопросы появления христианства в Финляндии, в том числе и православия.

Большой вклад в пополнение источниковой базы северо-западного Приладожья внес А. И. Сакса, опубликовавший результаты исследования на финском языке (Saksa, 1998). Наиболее результативные полевые исследования осуществлены им в районе пос. Куркиёки в 1985–1987, 1995 гг., когда были выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV вв., а также предметы из разрушенных погребений.

В последние годы на Карельском перешейке в рамках международного проекта проводились совместные российско(санкт-петербургские)-финляндские работы по поиску памятников каменного века и составлению археологической карты этого периода.

Однако, несмотря на фундаментальную источниковедческую базу, созданную несколькими поколениями археологов, по ряду важных вопросов древней истории между исследователями России и Финляндии, в силу ряда

объективных причин и сложившихся традиций, существуют различные точки зрения. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

О хронологии и периодизации I–II тыс. н. э. в Европе, Финляндии и России существуют разные понятия. Доистория Финляндии представлена римским железным веком (0–400 гг.), временем переселения народов (400–600), периодом Меровингов (600–800), эпохой викингов (800–1025) и периодом крестовых походов (1025–1200 гг.). Для территории Карелии предлагаются несколько иные даты: средний железный век (300–800), период викингов (800–1100), период крестовых походов (1100–1300 гг.). Высказано далеко не бесспорное предложение карельское раннее средневековье поместить в хронологические рамки 1300–1400 гг. (Karjalan synty, 2003).

В других частях Европы финский железный век уже считают Средневековьем. В Скандинавии Средние века начинают с 1050 гг. В отечественной научной литературе IV–IX вв. – это раннее средневековье, X–XIV вв. – эпоха развитого средневековья. Для древностей Карелии, на наш взгляд, I – начало II тыс. н. э. точнее было бы назвать периодом возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Понимая всю условность названий хронологических периодов, придуманных самими исследователями, видимо, во избежание путаницы на общеевропейском уровне целесообразнее использовать, где это возможно, датировку по векам.

Вопросы методики археологических исследований и использование данных естественнонаучных дисциплин

В отечественной археологии вопросы реконструкции этнических процессов по материалам археологии и смежных дисциплин были всегда актуальными, а в области средневековой археологии – почти обязательными. Западные археологи, напротив, относились и относятся к этой стороне археологических исследований весьма настороженно, ссылаясь, и вполне справедливо, на ограниченность археологических источников при попытках воссоздания этноисторических систем (или конструкций). Сумма устойчивых и специфических свойств того или иного народа – язык, самосознание, физический облик, особенности духовной культуры – археологическими источниками не улавливаются, за исключением некоторых остатков материальной культуры. Один зарубежный исследователь даже назвал археологию наукой об отбросах, Л. Н. Гумилев откровенно посмеялся над слепой верой археологов в могущество археологических раскопок. Иными словами, большая часть информации безвозвратно утеряна, и археологические данные представляют собой далеко не полные следы человеческого поведения. Поэтому привлече-

ние данных языкознания, топонимики, антропологии, естественнонаучных дисциплин и письменных источников на современном этапе исследования не вызывает сомнений, хотя каждая из наук требует к себе особого подхода.

Генетические исследования, основанные на митохондриальном и Y-хромосомном полиморфизме ДНК, являются мощным инструментом детального анализа генетической истории человека. Однако ответить на вопрос о прародинах финнов на современном этапе развития науки генетика пока не в состоянии, считают финляндские исследователи, поскольку сведения о генах языковых родственников скудны. Выяснение этих обстоятельств зависит от большого числа исторических случайностей. Торопиться с гипотезами не следует, поскольку использована только часть познавательных возможностей этого подхода (Norio, 1999).

В Институте археологии РАН (Москва) создан Межинститутский кабинет по изучению древней ДНК и уже получены интересные результаты. Более того, специалисты убеждены, что на имеющихся в российских коллекциях биоматериалах в будущем можно дать молекулярно-генетическую характеристику исчезнувшим популяциям и осуществить ретроспективный анализ истории генофонда современных народов. К сожалению, карельские археологи пока не располагают антропологическими коллекциями для исследования древней ДНК.

Выявление устойчивых комбинаций этнических элементов, с помощью которых можно было бы определить конкретные этносы и каждый из которых, надо помнить, сам по себе непостоянен во времени и пространстве, требует теоретико-методологического обоснования. Все это, по определению, должно минимизировать субъективность исследователей, скорректировать их спорные и не критичные суждения. Над этими проблемами размышляют и финляндские археологи, в основном молодое поколение, которое, с одной стороны, внимательно следит за международной дискуссией, а с другой – проявляет к ней некоторое сдержанное отношение.

Сотрудники сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН подготовили исследование «Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье)», в котором на конкретном археологическом материале Карелии и соседних территорий в широком хронологическом диапазоне рассмотрели теоретические обоснования и допустимые возможности интерпретации археологического материала и идентификации его с определенными древними народами. Отвергнуты устаревшие концепции, заблуждения и мифы, нежизнеспособные конструкции «теоретизирования», противоречащие археологическим источникам, обозначены трудности, порой непреодолимые, при исследовании всего спектра этнокультурных проблем.

Успешно применение данных естественнонаучных дисциплин по обе стороны границы. Палеоэкологи университета Йоэнсуу осуществили спорово-пыльцевые анализы на ряде водоемов Приладожской Карелии: в районе Сортавала, Куркиёки, Хийтола, на Валааме, Карельском перешейке, которые показали наличие земледелия в I тыс. н. э. (Karjalan syntu, 2003). Но, к нашему сожалению, эти данные находятся в противоречии с археологическими материалами – признаки земледелия обнаружены там, где следы обитания человека археологически не подтверждены. Объяснить причину этого несоответствия пока не удалось.

Мы со своей стороны осуществили металлографический анализ кузнечных изделий, который показал, что территория древних карел отличалась развитым железоделательным производством, базирующимся на местных запасах сырья и сложных технологических схемах, заимствованных у новгородских ремесленников (Кочкуркина, 2004).

О территории летописной карелы

Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с городом Корела являлся древнекарельским племенным центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы народа карел, впервые упомянутого в летописи под 1143 годом. В «Слове о погибели Русской земли» – это произведение создавалось в период между 1238 и 1246 гг. – после описания красот земли Русской указываются ее границы: «Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга...». Из этой фразы можно сделать вывод, что территория карел в это время не входила в границы Русской земли (подробнее см.: Кочкуркина, 2004).

Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер в древнекарельский ареал. Взгляды исследователей варьировали от признания культуры Миккельских озер карельской до полного отрицания ее карельской сути. Остановились на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории самих древних карел.

Выявленный комплекс общих черт позволяет заключить, что близость памятников нельзя объяснить только культурным заимствованием. Речь может идти о едином этническом регионе. Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Они естественны, поскольку этничность – весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним изменениям.

Найти точную копию материальной культуры могильников Карельского перешейка в юго-восточной Финляндии, при всей их схожести, – нерешаемая задача, особенно при такой ситуации, когда в одном и том же могильнике наблюдается вариативность как в погребальных обрядах, так и в сопровождающих вещах. Интенсивность этнического самосознания и различий в материальной культуре, а также четкость этнических границ могут возрастать в периоды экономических и политических кризисов, а также войн, что нашло подтверждение в древней истории карел. В XII–XV вв. в древнекарельской материальной культуре наиболее отчетливо прослеживаются самобытные черты, отличающие их от соседних прибалтийско-финских народов.

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами. Безусловно, здесь проживали и хяме, и в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура (Кочкуркина, 1982, с. 57–75; 1986; Kotškurkina, 1992).

Христианизация

Интенсивные историко-культурные и политические связи Финляндии и Карелии неизбежно связаны с вопросами приобщения к христианству. Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович (внук Юрия Долгорукого, отец Александра Невского) двинул свои полки против народа хяме (*емь* русских источников), уже попавшего под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись (1962), «всю землю их плени». В том же году произошло крещение карел: «послав крестить множество Корел, мало не все люди», т. е. по распоряжению Ярослава Всеволодовича было крещено почти все население, проживавшее, скорее всего, в центральных районах северо-западного Приладожья. Датский исследователь Д. Линд (Lind, 1977) подверг критике достоверность сообщений Лаврентьевской летописи, в том числе и о крещении карел в 1227 г., по той причине, что новгородские летописи об этом событии не говорят. Это высказывание Линда активно поддержали зарубежные исследователи. Поскольку упоминание о крещении имеется только в Лаврентьевской летописи, создававшейся, по их мнению, в географически отдаленной Ростово-Суздальской земле, стало быть, известие о крещении карел явилось частью православной пропаганды в 1400-х годах. Однако я не могу согласиться с указанными доводами. Логике исторических процессов того времени акция по крещению карел не противоречит. Тот факт, что сообщение появилось именно в ростово-суздальской Лаврентьевской летописи, объясняется тем, что Ярослав Всеволодович в Новгороде был редким гостем. Напомню в связи с этим некоторые исторические события того времени.

14 апреля 1212 г. на 64 году жизни умер Всеволод (в крещении Дмитрий) Большое Гнездо (так назван по своему большому семейству – 8 сыновей и 4 дочери). Родился он при сборе полюдья его отцом Юрием Долгоруким, и в его честь был заложен г. Дмитров. После смерти Всеволода развязалась жестокая борьба и между сыновьями, и между представителями других княжеских родов. Ярославу достался Переяславль Залесский (обратите внимание, в Ростово-Суздальской земле). На одном из этапов межкняжеской розни началась борьба за Новгород. Три года в нем княжил Мстислав Мстиславич (князь г. Торопец, в районе Великих Лук). До поры до времени он устраивал новгородцев, но затем они послали за Ярославом Всеволодовичем. Ярославу абсолютно не нравилось своеволие новгородцев, и он выехал в Торжок, в Новгород же направил своего наместника. Но по злой памяти всячески стремился мешать новгородцам. И вскоре случай представился. В Новгородской волости произошел неурожай; Ярослав не позволил пропускать хлеб из Торжка в Новгород. Люди умирали, как писал летописец, так, что собаки не успевали съедать трупы.

Новгородцы послали переговорщиков, приглашая Ярослава княжить в Новгород, отправили послов второй раз, но он задержал обе делегации. В это трудное время (1216 г.) возвращается Мстислав и смещает Ярославовых наместников. Ярослав посылает отряд с поручением поднять в Новгороде смуту, но и посланные перешли на сторону Мстислава. 1 марта 1216 г., в первый день нового года, Мстислав с новгородцами выступил против своего зятя Ярослава, но удача не была на его стороне. Вновь усилилась борьба между наследниками, в результате после одного из сражений Ярослав, как сообщает летописец, прибежал в Переяславль на пятом коне, заморив четырех. Недовольно было ему зла, говорит летописец, не насытился он крови человеческой. Он и в Переяславле выместил свою злобу на новгородцах. Мстислав, возвратившись с победой в Новгород, недолго оставался в нем. И вот такой князь, как Ярослав, моривший новгородцев голодом, в 1221 г. стал новгородским князем, но не лежала у него душа к Новгороду. В 1223 г. он ушел в Переяславль. В 1224 г. его вновь позвали новгородцы. На этот раз он пробыл три года, когда и совершил поход в Карельскую землю.

Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что принудительное крещение древних карел диктовалось общеполитическими и военными условиями: закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространявшийся с запада на приграничные новгородские земли католицизм. Дальнейшие события показали, что такой способ

решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору, заключенному в 1323 г., государственная граница отторгла западную карелу, попавшую под власть католицизма, шведских порядков и законов, от восточной, новгородской. Различно сложились и их судьбы. Основная часть карелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

Религиозная сторона массового крещения карел в 1227 г. оказалась на втором плане. Естественно, за короткий срок язычество искоренить невозможно. Рядовая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. В археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки. Известна также берестяная грамота середины XIII в., написанная русскими буквами на древнекарельском языке и содержащая языческое заклинание. К тому же и монастыри в Корельской земле возникли не ранее XIV в. Новгородские архиепископы Макарий (1534 г.) и Феодосий (1543 и 1548 гг.) были обеспокоены стойким сохранением языческих обрядов у карел и их соседей. Они слали грамоты-инструкции, напоминая многочисленным адресатам – чуди, ижоре, кареле – о необходимости и обязательности соблюдения православных обрядов. Поучала карел и католическая церковь. В середине XVI в. финский епископ М. Агрикола в предисловии к «Псалтыри», финскому переводу псалмов, укоряет финнов и древних карел за их пристрастия к языческим обрядам, верованиям и культурам.

В Финляндии процесс христианизации проходил иначе. Обращение западнофинского населения в католичество произошло довольно безболезненно, в то время как в восточной Финляндии, где новгородское влияние оставалось сильным, вопрос о проникновении православия остается спорным. Х. Киркинен (1998) полагает, что ощутимые контакты с христианской религией происходили в эпоху викингов, поскольку и финны, и карелы находились на пути, связывающем в это время Скандинавию и Византию. Известно, что ранние христианские термины проникли в финский язык из древнеславянского: поп (*pappi*), поганый, язычник (*pakana*), крест (*risti*), кум (*kummi*), Библия (*raamattu*). Поэтому Х. Киркинен считает маловероятным, чтобы православие полностью обошло стороной Финляндию, через которую проходил этот восточный путь. Но после установления шведского правления и западной церковной организации следы восточного влияния были сведены к минимуму.

В работе «К вопросу о христианизации Финляндии. Исследование религии на основе археологических данных» П. Пурхонен (Purhonen, 1998) впервые рассмотрела вопросы религии на археологическом материале. Однако выявление конкретных археологических предметов

в качестве христианских символов и мотивов, как и использование археологического материала в целом при освещении вопросов религии, требует научного теоретико-методического обоснования. К примеру, могут ли носимые на шею подвески в виде креста быть определенно связанными с христианскими символами? Исследовательница сама признает, что найденные на территории Финляндии подвески были либо скандинавскими, либо восточнобалтийскими, либо новгородскими. Ранние христианские импульсы, по ее мнению, появились в западной Финляндии со стороны Скандинавии. Что касается христианских импульсов из восточной Балтии еще в эпоху викингов, то предположение исследовательницы было почти сразу раскритиковано ее соотечественником Ю. Луото (Luoto, 1999), так как в эпоху викингов народы южного побережья Балтии еще оставались язычниками.

П. Пурхонен считает, что западные христианские погребения в районе Турку появляются в XII в., хотя языческие могильники с большим количеством погребального инвентаря еще продолжали существовать. Кроме того, интересны топонимы, связанные с православным влиянием: г. Турку (от русского *торг*) и Пааскунта (от русского *погост*), данные, видимо, купцами-христианами из Новгорода. В Финляндии, на территории Хяме, согласно П. Пурхонен, христианство было внедрено силой во время так называемого второго крестового похода, т. е. около середины XIII в.

На побережье Ботнического залива, в устье р. Кеми, отмечены православные личные имена в названии хуторов и объектов ландшафта по всему течению реки, а также такие названия, как *säässinä* (часовня), *manasteri* (монастырь).

Что касается восточной Финляндии, то на таких кладбищах, как Микели – Тууккала – Висулахти, датирующихся XII–XIV вв., большинство погребений сопровождалось обильным инвентарем, далеким от христианской обрядности. К тому же в могильнике Висулахти обнаружено жертвоприношение бычка, что не может свидетельствовать в пользу христианства. На могильнике Каускила (XIV–XVI вв.), где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена поздними христианскими захоронениями. В 1500-х годах он был известен как христианское кладбище, позднее на нем была сооружена часовня. Следовательно, эти материалы свидетельствуют о сходной ситуации с христианизацией как на Карельском перешейке, так и в приграничных с Карелией районах Финляндии, хотя П. Пурхонен утверждает, что территория Микели была христианизована с запада наперекор Карелии.

* * *

Итак, поднятые в статье вопросы свидетельствуют о том, что создание научного исследования, цель которого – реконструкция историко-

культурных связей Финляндии и Карелии в исторических границах эпохи Средневековья на археологических материалах с привлечением данных смежных дисциплин, является перспективной и актуальной научной задачей, хотя и довольно сложной.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 04-01-00049а.

Литература

Киркинен Х., 1998. История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // История карельского народа. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 26.
Кочуркина С. И., 1981. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л.: Наука. 160 с.
Кочуркина С. И., 1982. Древняя корела. Л.: Наука. С. 57–75.
Кочуркина С. И., 1986. Корела и Русь. Л.: Наука. С. 44–49.
Кочуркина С. И., 2004. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск: Карелия. С. 125–130.
Лаврентьевская летопись, 1962 // Полное собрание русских летописей. Т. 1. С. 449–474.

Karjalan synty, 2003 / Ed. Saarnisto M., Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. S. 50, 103–104.
Kivikoski E., 1961. Suomen esihistoria. Porvoo: WSOY. 310 s.
Kotškurkina S. I., 1992. Karjalaisten varhaista historiaa // Suomen varhaishistoria. Studia Historica Septentrionalia. 21. Rovaniemi. S. 207–214.
Lind J., 1977. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. Årg. 62.
Luoto J., 1999. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus // Muinaistutkija. N 2. S. 53–57.
Norio R., 1999. Mitä geenitutkimus voi kertoa suomalaisista? // Pohjalan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki. S. 297–306.
Purhonen P., 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. N 106. Helsinki. 261 s.
Saksa A., 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu: Joensuun yliopistopaino. 258 s.
Taavitsainen J.-P., 1990. Ancient Hillforts of Finland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. N 94. Helsinki. 294 s.
Uino P., 1997. Ancient Karelia // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. N 104. Helsinki. 426 s.